

Глава IV

Ингерманландия и ингерманландцы в 1940-е — 1990-е гг.

1. Ингерманландцы и Вторая мировая война (1939—1944 гг.)

Советско-финляндская (Зимняя) война 1939—1940 гг. и последующее за ней образование Карело-Финской ССР оказали определенное влияние на судьбу ингерманландцев. Еще до начала войны, в ноябре 1939 г., советское командование приступило к формированию так называемой «Финской народной армии» (соответствующий приказ был подписан наркомом обороны К.Е. Ворошиловым 11 ноября¹). Поскольку на тот момент на действительной службе в рядах Красной Армии находилось всего несколько десятков этнических финнов, для укомплектования армии был спешно произведен призыв финнов из запаса. Некоторые были даже выпущены из заключения или возвращены из ссылки, к примеру, был освобожден и направлен в армию ранее репрессированный бывший красногвардеец, участник гражданской войны и войны в Испании майор В. Валли. Большую часть призванных составили ингерманландцы. В недавно опубликованных воспоминаниях бывшего солдата Финской народной армии Э.М. Гюннинена приведен наглядный пример того, как мобилизация в эту армию проходила. Гюннинен, житель одной из деревень близ Павловска, недавно поступивший в Ленинградский университет, 19 ноября 1939 г. получил повестку в военкомат. Явившись туда, он встретил своего товарища. «Мы пошли к дежурному командиру, тот посмотрел паспорт товарища и сказал, что ему можно идти домой. Потом полистал мой паспорт и неожиданно... разорвал паспорт пополам и бросил в мусорную корзину. Все это — без слов. Мне велели идти в соседнюю комнату. Там собралось уже человек двадцать парней, все из ближайших деревень и все — финской национальности. Мой приятель был латыш, его отпустили домой. Военкомат интересовали только финны».² В донесениях о ходе призыва отмечалось, что настроение призывников было приподнятое: «Призванные относятся к мобилизации сознатель-

¹ Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeijasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. Historiallinen arkisto 95. Helsinki, 1991. S. 289.

² Гюннинен Э.М. «Я, воин Финской народной армии...» // Новый часовой. 2000. № 10. С. 255.

но, и есть случаи, когда многосемейные из старших возрастов отказываются от освобождения и просят оставить их в армии».³ Сохранявшийся некомплект личного состава восполнялся главным образом за счет карелов. На 27 ноября в имевшихся формированиях насчитывалось 8367 финнов и 4533 карела.⁴ Соединение получило наименование 106-й стрелковой дивизии. Затем началось формирование еще одной дивизии. К середине декабря был сформирован корпус в составе двух дивизий, по два полка в каждой, отдельного танкового полка и авиационной эскадрильи. Основные силы корпуса были переброшены на Карельский перешеек и следовали во втором эшелоне за наступавшими на Выборгском направлении войсками 7-й армии.⁵ К 18 декабря в составе корпуса насчитывалось 17 983 человека, из них 11 928 ингерманландских финнов, 4811 карел, 1244 представителя других национальностей.⁶

Активного участия в боевых действиях корпус не принял. Лишь в конце войны, во время штурма Выборга, соединения корпуса были брошены в бой и понесли ощутимые потери. В декабре в Карелии начала формироваться 3-я дивизия «Финской народной армии», которая позднее к северу от Ладожского озера вступала в боевое соприкосновение с финскими войсками. В частности, в начале января 1940 г. в районе Салми 6-й полк дивизии под командованием майора К. Ахонена в течение четырех дней успешно держался против вдвое превосходящих сил противника и сумел сохранить в своих руках ладожский остров Лункулансаари, а 7-й полк во главе с майором Вякя в январе и феврале совершил несколько глубоких рейдов по тылам финских войск.⁷ На Крайнем Севере формировалась 4-я дивизия. К концу войны общая численность личного состава народной армии равнялась 27 648 человек.⁸ После окончания войны со-

³ Цит. по: Барышников В.Н. Эволюция отношений СССР с Финляндией... С. 276.

⁴ Там же.

⁵ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война. С. 177, 183.

⁶ Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 196.

⁷ Baryshnikov V.N. On the Participation of the Finns and Karelians in the Winter War in the Ranks of the «People's Army» (according to information in newly available archives) // *Historia fenno-ugrica*. I:1. Oulu, 1996.

⁸ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Указ. соч. С. 183–184, 187.

единения армии были расформированы, а на ее основе была сформирована 71-я стрелковая дивизия. Личный состав дивизии на 80% состоял из финнов, карел и вепсов, ее командиром был бывший член правительства «Финляндской демократической республики» и командующий «Финской народной армии» генерал А. Анттила.⁹ В ходе Зимней войны ингерманландцы сражались и в рядах финских войск: из ингерманландских и карельских беженцев был сформирован «5-й партизанский батальон» (Sissipataljoona 5), бойцы которого, однако, были спешно и недостаточно хорошо подготовлены и проявили себя не лучшим образом в боях при Кухмо. В руководстве финской армии имелись замыслы подготовить из числа беженцев диверсионные и террористические группы для заброски в советский тыл, но осуществить их не успели.¹⁰

После образования Карело-Финской ССР на ее территорию летом 1940 г. были переселены ингерманландские семьи, сосланные ранее на Кольский полуостров. История переселения ингерманландцев в Карелию, получившая продолжение в конце 1940-х гг., началась, собственно, не в 1940 г., а несколько ранее. Поселить часть ингерманландских «кулаков» в Карелии, видимо, планировалось еще в начале 1930-х гг., однако партийное руководство автономной республики этому воспротивилось: на заседании Карельского обкома ВКП (б) от 17 мая 1931 г. «по вопросу о завозе кулаков из Ленинградской области» было принято решение: «1. Отказать Кареллесу в завозе 500 кулаков из Ленинградской области. 2. Разрешить ввоз Нивстрою для работы кулаков из Ленинградской области, не допуская ввоза ингерманландцев».¹¹ В том же году в карельское руководство начало кампанию по вербовке рабочей силы из-за пределов республики для работы в карельской лесной промышленности и на промышленных предприятиях. Соответствующую работу взяло на себя образованное в конце 1931 г. переселенческое управление при республиканском СНК. Известна деятельность переселенческого управления по вербовке этнических финнов в Канаде и Соединенных Штатах и приему так называемых «фин-перебежчиков» — легальных и (в основном) нелегальных эмигрантов из Финляндии. Однако вербовка осуществлялась и внутри

⁹ Hyytiä O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta 1940–1956. Kansallinen tasavalta? Helsinki, 1999. S.60.

¹⁰ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S.195.

¹¹ КГАНИ. Ф. 3. Оп.2. Д. 540. Л. 6.

страны. Вербовку, согласно постановлению карельского СНК, следовало проводить в первую очередь среди этнических карел, финнов и вепсов, «с таким расчетом, чтобы в общей массе переселенцев обеспечить национальный состав в размере 75%».¹² Переселенческое управление, руководствуясь этим решением, основную вербовочную деятельность развернуло среди тверских карел в Московской (позднее — Калининской) области и ингерманландцев и вепсов в Ленинградской области. На 1931 г. из Ленинградской области предполагалось принять и разместить 1515 человек, фактически, однако, приехал лишь 81 человек. В течение последующих двух лет из Ленобласти в Карелию переселились еще 270 человек, что опять же было значительно меньше запланированного числа (1332 человека).¹³ Размещались переселенцы в основном на территории Кестеньгского, Ухтинского и Пряжинского районов и работали главным образом на предприятиях объединения Кареллес. На 1935 г. была намечена вербовка в Ленинградской области 150 семей промпереселенцев. В частности, желание переехать в Карелию выразили 30 семей из деревни Койвукюля Куйвозовского района.¹⁴ Этот план, однако, не был выполнен, так как в том же году Карельский обком ВКП(б), обследовав деятельность переселенческого управления, признал ее неудовлетворительной, и в октябре 1935 г. управление было распущено.¹⁵

Еще до начала кампании по промышленному переселению в Карелии стали появляться подготовленные в Ингерманландии учителя. В 1925 г. в республику прибыли 37 выпускников Гатчинского педагогического училища. В последующие годы приехали еще более 100 человек. В 1936–37 учебном году среди 759 преподавателей средних и специальных средних учебных заведений Карельской АССР насчитывался 141 ингерманландец (остальные — 430 русских, 118 карел, 60 финнов и 10 представителей других национальностей).¹⁶ В 1937–1938 гг. преподавание на финском языке в Карелии было прекращено. Репрессии периода «великой чистки», больно ударившие по финским руко-

¹² НАРК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

¹³ Там же. Л. 53; Д. 81. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Д. 159. Л. 46.

¹⁵ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 276. Л. 75.

¹⁶ Mullanen J. Inkerinmaan suomalaiset Venäjän Karjalassa // Будущее ингерманландских финнов. С. 38.

водящим кадрам автономной республики, не могли не затронуть и ингерманландских учителей.

Начало переселению ингерманландцев в Карелию было, таким образом, положено в 1920-е — 1930-е гг. И вот в 1940 г. последовало продолжение. Мотивы принятого решения следует, видимо, объяснить желанием повысить удельный вес финского населения новой союзной республики, название которой не вполне соответствовало национальному составу ее населения. Во время репрессий середины — второй половины 1930-х гг. в процентном отношении финны пострадали сильнее других национальных групп Карелии: с 1933 по 1939 г. финское население республики уменьшилось с 12 088 до 8322 человек, составив в 1939 г. менее двух процентов всего населения; по численности финны уступали не только русским и карелам, но также украинцам и вепсам.¹⁷ С новых территорий, присоединенных в результате Зимней войны (Карельский перешеек, Приладожье, район Куоляярви) большая часть местного населения эвакуировалась в ходе или после войны вглубь Финляндии. Так что бывшие ингерманландские «кулаки» призваны были определенным образом пополнить дефицит финского населения. Полной свободы на новом месте они не получили и по-прежнему остались на положении спецпоселенцев.¹⁸ Помимо ссыльных ингерманландцев, в Карелию были переселены и вольные финские рыбаки, издавна проживавшие на Кольском полуострове. Финны были поселены в основном в Пудожском районе, где их использовали на Шальских горных разработках Карелгранита. На разработках режим содержания был относительно мягким, было вполне удовлетворительно налажено питание и медицинское обслуживание спецпоселенцев, имевшие какую-либо квалификацию использовались на работах в соответствии с ней, причем условия оплаты труда спецпоселенцев и вольнонаемных рабочих были одинаковыми.¹⁹

Согласно сведениям, обнаруженным финским исследователем А. Лайне, в Пудожском районе были поселены 1192 финна, в Шелтозерском — 258. В целом же финское население Карелии

¹⁷ Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 164.

¹⁸ Карху Э.Г. Указ. соч. С. 221.

¹⁹ Из истории раскулачивания в Карелии 1930—1931 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 246.

Ингерманландцы в порту Палдиски перед отправкой в Финляндию, весна 1943 г.

к началу 1941 г. увеличилось до 12 544 человек.²⁰ Это увеличение, по-видимому, было достигнуто главным образом за счет въезда бывших «кулаков» с Кольского полуострова. Новый переезд, конечно, создавал новые проблемы: в Хибинах люди успели обжиться, приобрести профессии, обзавестись относительно приличным жильем, на новом же месте надо было все начинать сначала. Положительный момент для переселенцев состоял в том, что после образования Карело-Финской ССР финский язык в республике вновь получил статус государственного, возобновилось его преподавание в школах, снова стали выходить печатные издания на финском языке — газета «Тотуус» («Totuus» — «Правда»), журнал «Пуналиппу» («Punalippu» — «Красное знамя»),²¹ так что здесь ингерманландцы имели больше возможностей для получения образования и поддержания культурной

²⁰ Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. С. 232.

²¹ 24 июля 1940 г. СНК Карело-Финской ССР принял постановление «О переводе делопроизводства на финский и русский языки в советских, судебных, хозяйственных и других организациях и учреждениях Карело-Финской ССР» (НАРК. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 3. Л.181–186).

деятельности на родном языке. Руководству гранитных разработок и местной комендатуре НКВД было дано правительственное указание обеспечить в районах проживания поселенцев работу социальных служб на финском языке, устроить финские библиотеки и читальни, заменить в школах русских учителей финскими.²² Даже в ряде мест Ленинградской области по местной радиосети началась трансляция передач петрозаводского радио на финском языке.²³ Однако ни одна финская школа здесь не была восстановлена, не было возобновлено издание ни одного печатного органа на финском языке. Создалась довольно странная ситуация: в Карелии, где финский язык для подавляющего большинства населения не был родным, вводилось его обязательное изучение, в населенных же финнами районах Ленинградской области он был по-прежнему исключен из сферы образования и местного управления.

Через три дня после нападения Германии на Советский Союз, 26 июня 1941 г., Финляндия вступила в войну на стороне Германии. Ленинградская область с первых дней войны оказалась прифронтовой зоной. В этих условиях оставлять в городе и области финское и немецкое население власти не считали допустимым. 24 августа А.А. Жданов, В.М. Молотов и Г.М. Маленков в секретном письме И.В. Сталину сообщали о принятом ими решении эвакуировать из Ленинградской области 88 700 финнов и 6700 немцев²⁴ в Сибирь и Казахстан.²⁵ Через день Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление «Об обя-

²² Gelb M. Op. cit. P. 240.

²³ Киуру Э.С., Суни Л.В. Указ. соч. С. 58.

²⁴ При определении этих цифр за основу брались данные переписи населения 1939 г., согласно которым на территории Парголовского, Всеволожского, Красногвардейского (Гатчинского) и пяти других наиболее близко расположенных к Ленинграду районов области проживало 88 764 этнических финна (с населением городов и поселков городского типа — 91 494 — ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л.50—51). В действительности к августу 1941 г. численность финского населения этих районов оставалась, по всей видимости, несколько меньшей, так как часть мужчин призывного возраста была мобилизована в действующую армию.

²⁵ Планировалось переместить в Казахстан — 15 тысяч человек, в Красноярский край — 24 тысячи, в Новосибирскую область — 24 тысячи, в Алтайский край — 12 тысячи и в Омскую область — 21 тысячу (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213).

зательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинградской области» за № 196/сс. Эвакуацию предписывалось провести в срок с 27 августа по 7 сентября. Местами назначения эвакуируемого населения были определены Коми АССР и город Котлас Архангельской области. Осуществление эвакуации возлагалось на областное управление НКВД. На местах проведением эвакуационных мероприятий руководили тройки в составе представителей исполкома районного совета, райкома партии и уполномоченного райотдела НКВД. Эвакуируемым разрешалось взять с собой продукты питания весом в пределах 200 кг на семью, одежду, белье, предметы первой необходимости и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. В случае сопротивления эвакуации или отказа от выезда предписывалось выявлять и арестовывать зачинщиков.²⁶ Решение об эвакуации финского и немецкого населения было подтверждено секретным приказом НКВД СССР от 30 августа за № 001175 «О мерах по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР», согласно которому операцию надлежало провести в срок с 31 августа по 7 сентября, 96 тысяч человек следовало вывезти из Ленинградской области и расселить в четырех областях Казахской ССР. Проведение операции было возложено на заместителя народного комиссара внутренних дел В. Н. Меркулова.²⁷

Осуществить это решение тогда удалось только частично, так как немецкое наступление развивалось стремительно, в августе немецкие войска заняли Лугу, Нарву, Кингисепп, Красногвардейск (Гатчину), Мгу, Тосно и Колпино, 8 сентября Ленинград был блокирован. Прежде, чем железнодорожное сообщение с городом было перерезано, успели вывезти около 28 тысяч этнических финнов и немцев.²⁸ Большая часть вывезенных была поселена в Вологодской области. В кольце блокады осталось около 30 тысяч ингерманландцев.²⁹ Оставлять их в осажденном

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л. 36–39.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 2. Д. 1. Б/л. Полный текст приказа — см. в Приложении.

²⁸ Gelb M. Op. cit. P. 251.

²⁹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa. S.33. П. Неваляйнен предполагает, что почти половина из них погибла в течение блокадной зимы 1941–1942 г. Данные о численности финнов, эвакуированных из города и области в 1942 г. (см. ниже) говорят, однако, в пользу того, что жертвы среди них были все же не так велики.

городе не считали желательным: существовали опасения, что оставшиеся в городе финны и немцы могут заниматься шпионажем и провокаторством. Сохранилось, в частности, письмо командующего ВВС Ленинградского фронта к председателю Ленсовета П.С. Попкову от 25 сентября 1941 г., в котором утверждалось, что финны и немцы — жители колонии Смольнинская во Всеволожском районе, неподалеку от которой был расположен аэродром бомбардировочной авиации, враждебно настроены против советской власти, что колония «кишит шпионами», а во время авианалетов со стороны колонии в сторону аэродрома пускаются ракеты. В письме содержалась просьба «ускорить выселение жителей колонии Смольнинская».³⁰ Возможно, среди оставшихся в кольце блокады финнов и были лица, не сочувственно относившиеся к советской власти, однако совершенно абсурдной выглядит информация областного управления НКВД о раскрытии среди ингерманландцев некоей «контрреволюционной повстанческой организации».³¹ По данным В.А. Иванова, изучавшего уголовные дела этого периода, по таким статьям, как шпионаж, диверсии, террор, вредительство и т.п., финны и немцы привлекались куда реже, чем русские, украинцы или евреи.³²

20 марта 1942 г. было принято повторное постановление Военного Совета Ленинградского фронта за № 00714/а о высылке оставшихся внутри блокадного кольца финнов и немцев.³³ За неделю до этого постановления, 12 марта, народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия утвердил план, согласно которому около 50 тысяч человек из числа эвакуированных из прифронтовых местностей по специальному плану должны были быть направлены на рыбные промыслы Сибири — в Красноярском крае, Омской и Иркутской областях.³⁴ Именно в эти области и решено было отправить ленинградских финнов и немцев. Исполком Леноблсовета и областное управление НКВД должны были начать проведение операции 26–27 марта. Фактически выселение началось раньше, еще даже до выхода по-

³⁰ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 60.

³¹ Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мученья. С. 35.

³² Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 258.

³³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 19. Д. 25. Л. 25–26.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 107. Л. 30.

становления Военного Совета Ленфронта: уже 17–18 марта с Финляндского вокзала в сторону станции Борисова Грива были вывезены 10 474 финна и немца, проживавшие в Ленинграде.³⁵ С территории области, из Парголовского, Всеволожского, Служского (Павловского), Ораниенбаумского районов и из городов Колпино и Сестрорецк, по расчетам исполкома Ленсовета, эвакуации подлежали 27 942 человека, из которых до 27 марта надо было вывезти 20 568 человек, остальные 7374 человека эвакуировались позднее.³⁶ Подлежавшие эвакуации оповещались за 24 часа до срока выезда. Большую часть имущества приходилось оставлять на месте, скот отбирался под расписки. Затем высылаемые перевозились по льду Ладожского озера на «большую землю» и далее отправлялись эшелонами вглубь страны. Можно утверждать, что эвакуация из заблокированного города спасала людям жизнь. Однако о населении, эвакуированном обычным способом, в дороге и в местах прибытия заботились, снабжали продовольствием, одеждой. Спецэвакуация же фактически ничем не отличалась от высылки периода коллективизации: те же «телячьи вагоны», те же ужасающие условия в местах поселения.

Высланные в то время впоследствии вспоминали о том, как все это происходило: «Пришли военные и силой выгнали нас на улицу. До сих пор в глазах стоит дверь, заколоченная крестнакрест. По дороге через озеро было холодно, детей завернули в одеяло, молили, чтобы не умерли от холода. На станции Бабаево умер больной свекор. Хоронить не было возможности. Поражали горы трупов, которые складывали у станций» (М.И. Хусу);³⁷ «23 марта 1942 г. мы были отправлены эшелонами из поселка Токсово Ленинградской области, затем через Ладогу (по «Дороге жизни») под усиленной бомбежкой, в ходе которой многие из переселенцев утонули... Затем снова в «телячьих вагонах», без каких бы то ни было удобств, с плохим питанием, под усиленной охраной проследовали по железной дороге до станции с красивым названием Зима, далее парходом по Ангаре, после на машинах до Усть-Куга и далее на баржах до устья Лены, где проживали в поселке Быков Мыс-Булунского района... Какими были

³⁵ Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 259.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л. 14.

³⁷ Из истории ингерманландских финнов // Радуга. 1990. № 10. С. 66.

жилищные условия? Люди пристроились в бондарной мастерской, в трюмах разбитой баржи, в юртах из дерна...» (Р.И. Хаука и Ф.М. Ахава);³⁸ «22 марта 1942 года объявили, чтобы к утру все были готовы к выезду, предупредив, что с собой разрешается брать груза не более 30 кг на человека. Утром прибыли военные машины и увезли все ингерманландские семьи из деревни... Повезли нас по льду Финского залива сперва в Кронштадт, отсюда в Лисий Нос, затем в Ленинград и на Ладогу. За «Дорогой жизни» нас поджидал товарный состав. Погрузили нас в вагоны как скотину, где все удобства — нары и посреди вагона — железная печка. Везли нас в ужасных антисанитарных условиях, голодные истощенные люди начали болеть дизентерией и тифом. Многие не доехали до места спецпоселения. Трупы из вагонов выносили на больших станциях военные из сопровождающей нас охраны» (М.И. Маллинен).³⁹ Бывший житель Колтушей Л. Стрём рассказывал в интервью о своей эвакуации в Сибирь весной 1942 г.: его партия была отправлена в конце марта через Ладогу, опять же под немецкими бомбами. Далее путешествие в Сибирь продолжилось в товарных вагонах и длилось около месяца, прежде чем эшелон прибыл Красноярск. Здесь были оставлены старики и дети, а более молодых и крепких отобрали для отправки в район устья Енисея на рыбные промыслы. Стрёму и другим пришлось преодолеть еще около 200 км вниз по Енисею. «Никто не спрашивал у нас, умеем мы ловить рыбу или нет. Нас вообще ни о чем не спрашивали, только возили нас как рабов. Среди нас были по большей части ингерманландцы, но был также один русский, немцы и латыши. Нас довели до порта Дудинка. Оттуда недалеко было уже до Северного Ледовитого океана».⁴⁰

Эвакуация проводилась интенсивно, «плановые показатели» заметно перекрывались: так, из Парголово-ского района к исходу 27 марта вместо 11 505 человек было вывезено около 13 800 человек, из Всеволожского — 12 080 вместо 11 379.⁴¹ Согласно донесениям из районов, «в целом эвакуация финско-немецкого населения прошла организованно и без каких-либо серьезных происшествий», хотя «со стороны отдельных лиц были заявле-

³⁸ Бугай Н.Ф. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 97.

³⁹ Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мученья. С. 48.

⁴⁰ Miettinen H. Inkerilaiset maaton kansa. Helsinki, 1989. S. 141–142.

⁴¹ Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 260.

ния, что они отказываются выполнить распоряжение об эвакуации». ⁴² Всего в марте-апреле 1942 г. «по специальному плану» из Ленинграда и Ленинградской области были эвакуированы 38 112 человек, среди которых этнические финны составляли большинство, но были и немцы, а также лица, высылаемые в административном порядке, без различия национальности, как «политически сомнительные граждане», в соответствии с постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 11 марта. ⁴³ По сведениям отдела спецпоселений НКВД на 2 июня 1942 г., в общей сложности на спецпоселение поступили 44 737 финнов, эвакуированных из Ленинграда и неоккупированных районов области в 1941 и 1942 гг. Из них в Красноярском крае были поселены 17 837 человек, в Иркутской области — 8267, в Омской — 3602 (общая численность «спецконтингента» эвакуированных из Ленинградской области, размещенного по указанным областям, составляла 18 895, 8625 и 6247 человек соответственно, из Иркутской области 3485 человек были отобраны для отправки в Якутию). ⁴⁴ Однако и эти цифры нельзя считать окончательными, так как эвакуация продолжалась и в июне. В Омскую область, в частности, в этом месяце дополнительно прибыл 4321 человек. Всего же, по данным на 5 июля 1942 г., численность финнов, немцев и административно-высланных из Ленинградской области, поступивших в Красноярский край, Иркутскую и Омскую области, составила 40 824 человека. ⁴⁵ Около 22 900 финнов и немцев, эвакуированных еще в 1941 г., оказались в Вологодской области, 350 — в Кировской. ⁴⁶ Со-

⁴² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л. 5. Довольно неожиданно на проведение эвакуации подчас реагировало соседнее русское население. Как сообщал секретарь Ораниенбаумского райкома ВКП(б) И. Кирьянов, «во всех почти сельсоветах зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывают» (Там же).

⁴³ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 107. Л. 35. Данные о составе эвакуированных удалось найти только по Ораниенбаумскому району, из которого было вывезено 4485 финнов, 166 немцев и 124 человека «по специальному списку» (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л. 5).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 107. Л. 30–32.

⁴⁵ Там же. Л. 35, 38.

⁴⁶ Там же. Л. 30. В Вологодскую область, кроме того, до конца 1941 г. 1281 финн был эвакуирован обычным порядком, не по ли-

хранилась также справка начальника УНКВД по Ленобласти от 1 октября 1942 г., согласно которой, из Ленинграда и пригородных районов было выселено в общей сложности 58 210 финнов и немцев.⁴⁷

В Карелии после начала войны в действующую армию было мобилизовано около 100 тысяч жителей республики, в том числе более 24 тысяч карелов, финнов и вепсов.⁴⁸ Подавляющее большинство представителей «национального» населения республики служило в рядах 71-й дивизии 7-й армии. Дивизия должна была оборонять государственную границу к северу от Ладожского озера. Среди финнов, служивших в частях дивизии, были и ингерманландские выходцы. Так, командиром 1-го батальона 53-го полка, оборонявшего село Корписелькя, был ингерманландец капитан П. Катая. В числе оказавшихся в плену бойцов батальона были финны — уроженцы Токсово. Всего же на данном участке фронта в рядах советских войск сражалось около 1500 ингерманландцев.⁴⁹ Финское командование, узнав о наличии ингерманландцев в рядах противника, пыталось идеологически воздействовать на них. В листовке, которая была выпущена 6 июля под заголовком «Ингерманландцы, соплеменники, братья», в частности, говорилось: «Бейте своих русских командиров и присоединяйтесь к нам, вашим братьям по крови. Мы примем вас, братья и соплеменники. Вместе мы освободим Карелию и Ингрию».⁵⁰ Особого эффекта распространение этой листовки, однако, не имело. Части 53-го полка оказывали упорное сопротивление наступавшим финским войскам в районе Корписелькя. Командующий 6-м армейским корпусом финской Карельской армии генерал П. Талвела, недовольный крайне медленным продвижением своих войск на этом участке, даже сместил командира 5-й дивизии корпуса. 53-й полк отступил из района Корписелькя лишь под давлением значительно превосходящих сил противника. Руководитель партийной организации Карелии Г.Н. Куприянов охарактеризовал 53-й полк

нии спецэвакуации, вероятно, из Карелии (ГАВО. Ф. 3105. Оп. 1. Д. 15. Л. 6).

⁴⁷ Ленинград в осаде. С. 442.

⁴⁸ Нуутиä О. Оп. cit. S. 63.

⁴⁹ Ibid. S. 64–65.

⁵⁰ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo — Helsinki, 1984. S. 132–133.

как лучшее соединение Карельского фронта, а капитана Катая как лучшего командира батальона.⁵¹ Стойко сопротивлялись и другие полки 71-й дивизии: 126-й, под командованием упоминавшегося выше майора В. Валли в районе Куолисмаа и 367-й в районе Вяртсиля. Осенью 1942 г. 71-я дивизия была переведена на Волховский фронт, в январе 1943 г. участвовала в прорыве блокады Ленинграда, а в 1944–1945 гг. прошла с боями через Западную Украину и Польшу до немецкой Померании.

В ходе финского наступления в Олонецкой Карелии летом и осенью 1941 г. значительная часть местного населения была эвакуирована в тыл. Бывшие ингерманландские «кулаки», поселенные в 1940 г. Карелии, также не были оставлены на месте. В справке Наркомата госбезопасности КФСР о политических настроениях населения республики от 30 июля сообщалось о том, что «часть подучетного элемента, в том числе финнов, с началом военных действий резко изменила свое поведение и внешне проявляет себя с положительной стороны».⁵² Однако власти предпочли все же отправить их подальше от зоны военных действий: осенью 1941 г. ингерманландцы были эвакуированы из Карелии, в частности, в Среднюю Азию.⁵³

В местах поселения эвакуированные финны оказались на положении спецпоселенцев, хотя какого-либо формального постановления о зачислении их на спецпоселение в течение достаточно долгого времени не было. В 1943 г. НКВД предложил местным властям «всех лиц финской национальности, переселенных в 1942 г., снять с учета и не считать спецпоселенцами, оставив при этом на жительстве как административно высланных».⁵⁴ Однако 29 декабря 1944 г. НКВД был издан приказ № 274, согласно которому эвакуированные финны подлежали постановке на учет по линии спецотдела комиссариата.⁵⁵ Вероятно, издание этого приказа было связано с тем обстоятельством, что

⁵¹ Нуутиä О. *Op. cit.* S. 65.

⁵² Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск, 1999. С. 20.

⁵³ В декабре 1941 г. НКВД КФСР сообщал в НКВД СССР об отправке в тыл из Пудожского и Кемского районов 2435 человек «спецконтингента» (Там же. С. 33). По всей видимости, речь идет в первую очередь именно об ингерманландцах, которые проживали в основном в Пудожском районе.

⁵⁴ Бугай Н.Ф. Север в политике переселения народов. С. 97.

⁵⁵ Там же.

после распоряжения СНК СССР от 11 августа 1944 г. о реэвакуации в Ленинградскую область населения к прежнему месту жительства многие находившиеся в эвакуации финны начали подавать заявления о разрешении вернуться в родные места. Председатель исполкома Ленинградского областного Совета Н.В. Соловьев 21 ноября 1944 г. писал В.М. Молотову: «Учитывая, что возвращение населения финского и немецкого происхождения в пригородные районы Ленинградской области нецелесообразно и что эти... районы должны быть заселены русским населением, исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся просит Вас разрешить не проводить реэвакуацию к местам прежнего жительства населения финского и немецкого происхождения..., оставив это население в тыловых областях Союза на постоянное место жительства».⁵⁶ Ответом на это ходатайство, по всей видимости, и был упомянутый приказ НКВД. Снова сняты с учета спецпоселений эвакуированные финны были уже после войны, по приказу НКВД от 28 января 1946 г., после чего они задним числом были взяты на учет как высланные в административном порядке.⁵⁷

Приказ командования РККА за № 1526 от 3 апреля 1942 г., гласил, что все представители «неблагонадежных» национальностей, находившиеся в действующей армии, должны быть изъяты из ее рядов и переведены в рабочие колонны НКВД. Под действие этого приказа попали и ингерманландские финны, мобилизованные в армию в первые месяцы войны. Их вместе с этническими немцами, поляками и представителями ряда других национальностей отзывали с фронта и направляли в строительные батальоны на тыловые работы. Некоторые из них оказались на лесоповале, в шахтах и рудниках Урала, на строительстве металлургического завода в Челябинске. Условия их труда и быта почти ничем не отличались от тех, в которых находились заключенные: трудармейцы жили в охраняемых лагерях, ютились в землянках, трудились зимой в лютой мороз, летом — в изнуряющую жару, многие умирали.⁵⁸ Следует заметить, что в тыловых воинских частях финны продолжали служить, а на фронте командиры не всех частей выполнили этот приказ, так что некоторые ингерманландцы, хотя и очень немногие, оставались во фронтовых соединениях вплоть до окончания войны. Только после подписания

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 105. Л. 8.

⁵⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930–1959 г.). С. 159.

⁵⁸ Куокканен В. Указ. соч. С. 60–61.

советско-финляндского перемирия в сентябре 1944 г. было вновь разрешено этнических финнов направлять в действующую армию.

Не менее драматично сложилась судьба ингерманландцев, оказавшихся в зоне немецкой оккупации. К зиме 1941–1942 гг. в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками, находилось 76 342 финноязычных жителя, из них 66 946 финнов, 8729 ижор и 667 вожан.⁵⁹ Представление о том, какой режим установился в оккупированных районах области, дает спецсообщение управления НКВД по Ленинградской области обкому ВКП (б) и командованию Ленинградского фронта о положении в районах, занятых немецкими войсками, от 5 ноября 1941 г. Вот некоторые выдержки из него: «При занятии населенных пунктов нашей области в июле-августе с.г. немецкое командование мобилизовало все население на уборку урожая, который полностью отбирало. Позднее в тех пунктах, где урожай... был собран до прихода немцев, и оставшемуся населению удалось часть его припрятать, все мероприятия немцев сводились к выявлению всех запасов продуктов питания и изъятию его у населения. <...> Наряду с продуктами, производится опись и изъятие для нужд армии теплой одежды, белья, валенок и обуви. Под этим предлогом происходит грабеж и всего домашнего имущества у населения. <...> Положение оставшегося населения в занятых немцами районах крайне бедственное. В условиях наступающей зимы полное отсутствие теплой одежды. Жилые дома в ряде пунктов сожжены немцами при карательных операциях. В деревнях, где находятся части войск, население из жилых помещений выгоняется в землянки. Жилые помещения используются на дрова... Хлеба нет с момента прихода немцев. Питается население картофелем, который немцы разрешили снять с 1/2 колхозных участков, и тем, что успели припрятать до их прихода. До выпada снега жители бродили по колхозным полям, подбирая колосья».⁶⁰

В первые месяцы оккупации немецкие военные власти не различали ингерманландцев в общей массе русского населения и обращались с ними совершенно так же. Лишь позднее, узнав, что на территории Ленинградской области проживают этничес-

⁵⁹ Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 268.

⁶⁰ «Власть, которая грабит население...». Германский оккупационный режим на территории Ленинградской и Московской областей. Ноябрь 1941 г. (публикация О.Б. Мозохина и В.П. Ямпольского) // Исторический архив. 2000. № 2. С. 135, 136.

кие группы, родственные их союзникам финнам, оккупанты стали относиться к финноязычным жителям несколько мягче. Справедливости ради следует отметить, что местные финны и эстонцы легче находили общий язык с оккупантами, чем русское население. Так, согласно процитированному выше спецсообщению, из числа финнов и эстонцев нередко подбирались старосты. Немецкое командование пользовалось содействием некоторых местных финнов и эстонцев при борьбе с партизанами: «Партизанам появляться в деревне, где имеется хотя бы одна эстонская и финская семья, рискованно, и русское население предупреждает их об этом. <...> В октябре в ряде пунктов этого района (Кингисеппского — В.М.)... карательные отряды численностью в 60–80 человек были созданы из местного населения — эстонцев».⁶¹ Летом—осенью 1941 г. ряд районов Ленинградской области пострадал от военных действий, урожай в полях остался несобранным, и во многих деревнях области зимой начался голод; за зиму 1941–1942 гг. немало ингерманландцев погибло от голода и болезней, еще несколько тысяч человек находились на грани голодной смерти. Только весной 1942 г., уступая просьбам своих финских союзников, немцы начали оказывать продовольственную помощь ингерманландскому населению.

Еще до нападения на Советский Союз политическое и военное руководство Третьего Рейха начало разрабатывать планы «германизации» восточных земель, которые предполагали переселение в эти земли немецких колонистов и частичное онемечивание местного населения. В этих планах значительное внимание уделялось Прибалтике и российскому Северо-Западу. 1 сентября 1941 г. был учрежден рейхскомиссариат «Остланд», который возглавил Х. Лозе. Этому рейхскомиссариату была административно подчинена территория трех балтийских республик (Литвы и Латвии — с самого начала, Эстонии — с 5 декабря 1941 г.).⁶² Граница «Остланда» первоначально проходила по линии бывшей государственной границы между странами Прибалтики и СССР. Некоторые должностные лица Рейха, в их числе А. Розенберг, министр по делам оккупированных территорий, выдвигали предложения передвинуть границу «Остланда» на восток, присоединив часть Ингерманландии к Эстонии и часть Псковщины к Латвии (Эстония и Латвия при этом подлежали

⁶¹ Там же. С. 133, 137.

⁶² Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. S.96, 197.

переименованию соответственно в «Пейпусланд» и «Дюналанд»). На новые территории предлагалось частично переселить эстонское и латышское население, освободив от него западную часть Прибалтики для поселения немецких колонистов. Финноязычное же население из Ингерманландии следовало переселить в Финляндию.⁶³ Имелись и другие планы: заселить немцами саму Ингрию. По заданию рейхсфюрера СС Г. Гимmlера профессор К. Мейер, руководитель аппарата «рейхскомиссара по укреплению германской народности» (Reichskommissar für die Festigung deutschen Volkstums) разработал и 28 мая 1942 г. представил ему проект, согласно которому Ингерманландию, Крым, Херсонскую область и район между Клайпедой и Белостоком предполагалось подготовить для немецкой колонизации. В этих областях должны были быть расселены около пяти миллионов немцев.⁶⁴ Исходя из проекта Мейера, Гимmlер в январе 1943 г. предложил план германизации Ингерманландии, рассчитанный на 20 лет; здесь планировалось поселить 350 700 немцев — ветеранов СС и так называемых «военных крестьян» (Wehrbauern).⁶⁵ В связи с новыми планами появились предложения не включать Ингерманландию в административное подчинение «Остланду», а образовать на ее территории особый округ и подчинить его непосредственно Берлину. В немецкой прессе стали обыгрываться мотивы об изначально «германском» характере Ингерманландии для обоснования переселенческих планов.⁶⁶ Приступить к осуществлению переселенческих планов, однако, так и не удалось, так как когда в 1943 г. немецкие войска стали терпеть неудачи на фронте, проблема переселений утратила свою актуальность. Более того, еще в январе-марте 1942 г. советские немцы, оказавшиеся на оккупированной вермахтом территории Ленинградской области, были оттуда вывезены; большая часть их была отправлена в район города Либерец (Райхенберг) в Судетской области.⁶⁷

⁶³ Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941–1944. Zum national-sozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 87–89.

⁶⁴ Ibid. S. 159; Madajczyk C. Generalplan Ost // Polish Western Affairs. 1962. № 3. P. 435.

⁶⁵ Dallin A. Op. cit. S. 279, 281.

⁶⁶ Ibid. S. 293.

⁶⁷ Koehl R.L. RKFDV. German Resettlement and Population Policy 1939–1945. A History of the Reich Commission for the Strengthening of Germandom. Cambridge, 1957. P. 149.

Эта акция явно противоречила гиммлеровским замыслам «германизации» оккупированных земель.

В Финляндии ингерманландский вопрос с началом войны снова стал вызывать повышенный интерес. Председатель «Союза независимости» М.Й. Мустакаллио выражал надежду, что Ингерманландия получит «независимую жизнь, право жить свободно от Раяйоки до Нарвы». Мустакаллио считал необходимым отселить из Ингрии русских, на их место переселить тверских карел.⁶⁸ В июле 1941 г. ингерманландские эмигранты избрали новый руководящий орган — «Комитет по ингерманландским делам» (Inkerin asiain hoitokunta) из восьми членов, председателем которого стал Й. Саволайнен, его заместителем — многократно упоминавшийся ранее К. Тюнни, остальными членами комитета были Т.Й. Тойкка (секретарь), А. Хямляйнен, Э.А. Ямалайнен (который также занимал пост председателя «Ингерманландского союза»), А. Метияйнен, Ю. Тирранен (который позднее вошел также в состав штаба военного управления Восточной Карелии) и Ю. Веса.⁶⁹ Комитет представил программу, согласно которой к Финляндии должны были присоединиться Восточная Карелия, вся Ингерманландия в границах Столбовского мира и, на правах автономии, Эстония; Ленинград следовало или разрушить, или сделать из него вольный город. 4 сентября 1941 г. члены комитета направили премьер-министру Й.В. Рангеллю письменное предложение о присоединении Ингерманландии к Финляндии.⁷⁰ Утопизм подобных замыслов был очевиден: немцы ничего не имели против финских притязаний на Советскую Карелию, но наивно было бы рассчитывать, что они уступят своим союзникам Ингерманландию и Эстонию: как видно из изложенного выше, у них были свои виды на эти территории. Финские политики вполне ясно осознавали это. Президент республики Р. Рюти и министр иностранных дел Р. Виттинг разделяли точку зрения Рангелля, что южная граница Финляндии должна проходить по Неве.⁷¹ Этого же мнения придерживался

⁶⁸ Manninen O. Suur-Suomen ääriivivät. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa 1941. Helsinki, 1980. S. 149.

⁶⁹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 37.

⁷⁰ Manninen O. Op. cit. S. 149, 154.

⁷¹ Ibid. S. 154. Правительственные круги рассчитывали также на присоединение к Финляндии Кольского полуострова, деятели же «Комитета по ингерманландским делам» предлагали уступить его немцам в обмен на Ингрию.

видный финский историк профессор Я. Яаккола. В своей работе «Финляндский восточный вопрос» он предлагал присоединить к Финляндии территорию до Невы, а финнов — жителей Центральной и Западной Ингрии, согласно его мнению, следовало переселить в Восточную Карелию для усиления на этой территории финского элемента.⁷²

Такой вариант вполне устраивал и немцев. 21 сентября 1941 г. начальник «отдела обороны страны» (Abteilung Landesverteidigung) в составе Верховного командования вермахта генерал В. Варлимонт представил тезисы относительно осады и взятия Ленинграда, в которых, в частности, было записано: «Весной (1942 г. — В.М.) мы проникнем в город (если финны сделают это раньше, не будем возражать), вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».⁷³ Расчет, таким образом, делался на присоединение к Финляндии только Северной Ингрии, которую, впрочем, надо было еще завоевать. Части юго-восточной группы финских войск, начав наступление на Карельском перешейке в июле, отеснили соединения советской 23-й армии и к началу сентября заняли всю северную часть перешейка, принадлежавшую Финляндии до 1939 г., и

⁷² Jaakkola J. Suomen idänkysymys. Porvoo, 1942. S. 77–78, 89.

⁷³ Цит. по: Ganzenmüller J. «...die Stadt dem Erdboden gleichmachen». Zielsetzung und Motive der deutschen Blockade Leningrads // St.Petersburg — Leningrad — St.Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit. Stuttgart, 2000. S. 183. Суждения руководителей Третьего Рейха и лично А. Гитлера относительно судьбы бывшей российской столицы удивительным образом перекликались с высказываниями, которые в 1918–1919 гг. делали П. Свинхувуд и финские активисты. Так, М. Борман записал высказывания Гитлера, сделанные на совещании 16 июля 1941 г. в преддверии переговоров с финскими представителями: «На территорию вокруг Ленинграда претендуют финны; фюрер хочет сравнять Ленинград с землей и только потом отдать его финнам...» (Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин, 1992. С. 67). А 16 сентября 1941 г. фюрер заявил: «Гнездо заразы Петербург, из которого столь долго изливался яд в Балтийское море, должен исчезнуть с земли. Город уже блокирован, остается еще немного, чтобы разрушить его артиллерией и с воздуха... Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, эпизод 250 лет азиатчины завершается» (цит. по: Ковальчук В.М. Битва за Ленинград // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. СПб., 1995. С. 27).

вышли на линию старой государственной границы, однако к 9 сентября финское наступление было остановлено на рубеже оборонительных сооружений Карельского укрепленного района. Белоостров, занятый было финнами, 20 сентября был отбит назад советскими войсками.⁷⁴

Еще осенью 1941 г. финские власти стали задумываться о возможности перемещения ингерманландского населения из прифронтовой зоны. Вопрос о судьбе ингерманландцев на государственном уровне впервые был затронут в парламентской речи премьер-министра Рангелля 29 ноября 1941 г. Первоначально, однако, инициатива принадлежала германской стороне. В ноябре 1941 г. немецкие оккупационные власти принялись регистрировать за занятой территории этнических финнов на предмет их перемещения в Финляндию. 9 декабря того же года германский посланник в Финляндии В. фон Блюхер предложил финляндскому правительству перевезти в Финляндию около 50 тысяч ингерманландцев; транспортировку предлагалось осуществить по льду Финского залива после того, как он окрепнет.⁷⁵ В январе 1942 г. для обследования положения в Ингерманландии и рассмотрения возможности переселения из Финляндии прибыла комиссия во главе с Л. Пелконеном. Комиссия пришла к выводу, что производить переселение в данный момент не представляется возможным и что целесообразнее будет оказать помощь ингерманландцам на месте и эвакуировать часть из них в районы, менее разоренные в ходе военных действий, в частности, в Эстонию (соответствующая нота была передана В. фон Блюхеру 16 февраля 1942 г.).⁷⁶ Отказ от проведения переселения был мотивирован отсутствием необходимых средств и трудностями транспортировки. Кроме того, как Р. Виттинг неоднократно разъяснял В. фон Блюхеру, финские власти опасались вредного идеологического влияния ингерманландцев как советских граждан на местное население.⁷⁷ Мате-

⁷⁴ Олейников Г.А. Начало битвы за Ленинград. Первые оборонительные операции 7-й и 23-й армий на юге Карелии и Карельском перешейке в 1941 г. // Клио. 1999. № 3 (6). С. 259–260; Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Новый часовой. № 6–7. С. 160.

⁷⁵ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana // Studia Historica Jyväskylänensia. V. 1967. S. 231–232.

⁷⁶ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 40.

⁷⁷ Ibid. S. 41.

риальная помощь ингерманландцам на оккупированной территории была активизирована. К середине лета из разоренных войной местностей Ленинградской области в Эстонию был эвакуирован 17 881 человек, в том числе 12 311 ингерманландцев.⁷⁸

В Финляндии обсуждался и другой план — поселить ингерманландцев в малонаселенных районах оккупированной Олонецкой Карелии. Финские оккупационные власти планировали осуществить финнизацию Карелии, и такое переселение могло бы послужить целям увеличения доли финского населения региона. В ноябре 1941 г. юридический советник начальника военного управления Восточной Карелии В. Мерикоски во время поездки по Польше и Прибалтике обсуждал с должностными лицами германского Восточного министерства и рейхскомиссариата «Остланд» возможность своеобразного «обмена» населением: он предполагал переместить русское население из занятых финнами районов Карелии в зону немецкой оккупации, а взамен из оккупированной немцами части Ленинградской области переселить сюда ингерманландцев.⁷⁹ Позднее, в декабре 1942 г., когда вопрос о перемещении ингерманландцев в Финляндию был уже решен, глава Центрального бюро по делам перемещенного населения профессор П. Кайтера предполагал поселить в оставшихся без населения карельских деревнях тех ингерманландцев, приблизительно 10 тысяч человек, для которых не найдется работы в Финляндии.⁸⁰ Руководство финляндской Государственной полиции отнеслось к этим предложениям негативно: оно считало нежелательным селить политически ненадежное население в прифронтовых районах. До 1943 г. каких-либо практических мероприятий по переселению ингерманландцев не предпринималось, за исключением перевозки в Финляндию около 500 добровольцев осенью 1942 г.⁸¹ Кроме того, с ноября 1942 г. по май 1943 г. из Эстонии в Финляндию были перевезены примерно 400 ингерманландских сирот.⁸²

В конце 1942 г. вопрос о переселении снова был поставлен на повестку дня. На этот раз инициатива в его обсуждении исходила от финской стороны. К тому времени стало окончатель-

⁷⁸ Ibid. S. 40.

⁷⁹ Ibid. S. 99.

⁸⁰ Ibid. S. 102.

⁸¹ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana S. 234.

⁸² Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 43.

но ясно, что расчеты на быстрое падение Ленинграда и поражение Советского Союза не оправдались; война приняла затяжной характер, населенные ингерманландцами территории оставались прифронтовой зоной. Положение ингерманландского населения становилось все более трудным, хотя Финляндия и старалась оказывать ему помощь. Пока ингерманландцы находились в зоне немецкой оккупации в Ленинградской области и Эстонии, оказывать помощь им было сложно, оставление же их на произвол судьбы подорвало бы престиж руководства в глазах общественного мнения страны. Помимо мотивов гуманитарного характера, связанных со спасением соплеменников, играли свою роль и практические соображения: Финляндия, чьи силы были напряжены для ведения войны, остро нуждалась в дополнительных рабочих руках в тылу. Кроме того, вызывало беспокойство становившееся все более очевидным стремление немецких властей привлекать население оккупированных территорий к трудовой повинности, в том числе в самой Германии. В 1943 г. в Германии и Восточной Пруссии среди «остарбайтеров» насчитывалось около 3 тысяч ингерманландцев, занятых преимущественно в сельском хозяйстве.⁸³ Руководители ингерманландских эмигрантских организаций также начали серьезно задумываться о необходимости перемещения ингерманландцев в Финляндию, к которому они ранее относились отрицательно. В августе 1942 г. «Комитет по ингерманландским делам» и «Ингерманландский союз» в первый раз обратились к президенту страны с предложением о проведении масштабной переселенческой акции.⁸⁴ 1 декабря 1942 г. Государственный совет Финляндии принял решение поставить перед германским правительством вопрос о переселении ингерманландцев в Финляндию.⁸⁵ Немцы, однако, теперь не проявляли большого энтузиазма в этом вопросе: им самим настоятельно требовались рабочие руки в тылу. Мнения в германском руководстве разделились: Министерство иностранных дел высказывалось за разрешение переселения ради укрепления дружеских связей с Финляндией, в то время как военное командование придерживалось мнения, что потребность в рабочих руках требует оставления хотя бы

⁸³ Tuuli E. Inkeriläisten vaellus: Inkeriläisten väestön siirto, 1941–1945. Porvoo-Helsinki, 1988. S. 221.

⁸⁴ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 42.

⁸⁵ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 237.

части населения на месте. 23 января германское МИД высказало одобрение на проведение переселения, однако первая партия перемещаемых лиц не должна была превышать 12 тысяч человек.⁸⁶ Германское правительство склонилось именно к этому решению, и 6 февраля 1943 г. финляндскому посланнику в Берлине Т.М. Кивимяки было передано окончательное одобрение немецкой стороны на проведение переселенческой акции.⁸⁷

Для руководства практическими мероприятиями по переселению была назначена комиссия из 30 человек под руководством доктора В. Хеланена, председателя Карельского академического общества, которая в конце февраля 1943 г. прибыла в Эстонию.⁸⁸ Ингерманландцы, находившиеся в Эстонии,⁸⁹ свозились в переселенческий лагерь в Клоога, для остававшихся в Ленинградской области сборный пункт был назначен под Гатчиной. Оттуда подлежащие переселению перевозились в эстонский порт Палдиски. За предоставление перевозочных средств отвечал штаб финляндских военно-морских сил. 29 марта 1943 г. пароход «Аранда» прибыл из Палдиски в Ханко с первой партией ингерманландских переселенцев. Всего до 17 октября 1943 г. финские транспорты совершили 65 рейсов и перевезли в Финляндию 22 050 человек.⁹⁰ Эвакуированные в Финляндию были в основном жителями Центральной Ингрии, то есть районов, близко расположенных к прифронтовой зоне. В том же году были предприняты меры по перевозке в Финляндию ингерманландских «остарбайтеров» из Германии. 1 января 1943 г. Гиммлер издал распоряжение, согласно которому им было дано право выехать из Германии.⁹¹ Фактически перевозки начались лишь в середине 1943 г. и завершились в мае 1944 г. Ингерманландцы, желающие выехать, были собраны в Данциге, откуда на немец-

⁸⁶ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 45

⁸⁷ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 238–239.

⁸⁸ Tuuli E. *Op. cit.* S. 68.

⁸⁹ В Эстонии к началу 1943 г. было вывезено около 17 тысяч ингерманландцев, из них около 11 600 человек находились на сельскохозяйственных работах в частных хозяйствах (Куокканен В. Указ. соч. С. 59).

⁹⁰ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 240–241.

⁹¹ Kulha K. Toinen maailmansodan ja paluu rauhan kauteen (1941–1945) // Inkerin suomalaisten historia. S. 393.

ких судах через Лиепаяу их перевезли в Финляндию. Всего из Германии в Финляндию было перемещено около 2050 человек.⁹²

Еще до завершения первого этапа переселенческой операции, в мае 1943 г., в финляндском руководстве начались разговоры о расширении масштабов переселения. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в Финляндии по-прежнему требовались рабочие руки, а среди перевезенных ингерманландцев оказалось лишь около 8 тысяч трудоспособных.⁹³ Решение о продолжении операции было принято финляндским правительством 8 октября 1943 г.: согласно этому решению, все финноязычные уроженцы Ленинградской области, включая ижор и вожан, желающие выехать в Финляндию, могли это сделать (при условии согласия на это со стороны Государственной полиции). 2 ноября было получено согласие германского Министерства иностранных дел, а официальное соглашение было составлено 4 ноября.⁹⁴ Вывоз ингерманландцев из Ленинградской области и Эстонии отвечал и немецким интересам, так как положение на фронте становилось все более сложным и пребывание ингерманландского населения в прифронтной зоне создавало дополнительные проблемы. Переселение должно было происходить на добровольной основе, однако выбор был небольшой: или отправиться в Финляндию, или снова оказаться в зоне военных действий. Большинство предпочло первое.

Вторая фаза переселенческой операции началась еще до заключения официального соглашения, 18 октября 1943 г., когда из Палдиски была вывезена первая партия в 1467 человек, и продолжалась до 14 апреля 1944 г., за этот период было сделано 79 рейсов.⁹⁵ На этот раз переселенцы были главным образом уроженцами Западной Ингрии. По свидетельству одной из эмигранток, были случаи, когда транспорты с переселенцами подвергались атакам советской авиации.⁹⁶ Наряду с этническими финнами, в Финляндию переселялись ижоры и вожане; 1726 ижор были собраны в Усть-Луге, затем перевезены в Палдиски и вывезены в Финляндию 22 ноября 1943 г., другие были эвакуиро-

⁹² Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 59.

⁹³ Kulha K. Toinen maailmansodan ja paluu rauhan kauteen. S. 384.

⁹⁴ Ibid. S. 390.

⁹⁵ Ibid. S. 391–392.

⁹⁶ Саволайнен А. Оставьте мне мою третью родину! // Радуга. 1988. № 9. С. 85.

ваны позднее.⁹⁷ Многие ижоры, однако, не хотели уезжать в Финляндию, некоторые даже скрывались в лесах, чтобы избежать отправки. В ходе второго этапа операции через Финский залив были перевезены 38 283 человека.⁹⁸ В мае—июне 1944 г. в ходе четырех рейсов были транспортированы еще 830 человек.⁹⁹ Общее количество эвакуированных из Эстонии в Финляндию в 1943—1944 гг., включая 357 финнов, проживавших в Эстонии до войны, составило 63 205 человек.¹⁰⁰ Среди них насчитывалось около 12 400 мужчин, 28 400 женщин и 22 400 детей.¹⁰¹ По данным советских органов внутренних дел, численность «финнов и ингерманландцев», оставшихся на оккупированной территории Ленинградской области вплоть до ее освобождения советскими войсками, составила 1061 человек.¹⁰² Более 3 тысяч ингерманландцев остались в Эстонии.¹⁰³

Проблемами, связанными с приемом, обустройством переселенцев и вовлечением их в хозяйственную деятельность, занималось образованное в декабре 1942 г. Ингерманландское бюро, переименованное в январе 1943 г. в «Центральное бюро по делам перемещенного населения» (*Väestönsiirtoasiain Keskustoimisto*). Бюро находилось в ведении Министерства путей сообщения, возглавлял его профессор П. Кайтера. В составе Центрального бюро действовало четыре отдела; общий отдел под руководством капитана Э. Туули отвечал за перемещение, учет населения, правовые вопросы и политический контроль; отдел обслуживания и размещения, которым руководил Э. Тойванен, ведал устройством карантинных лагерей, организацией приютов для детей и престарелых, трудоустройством переселенцев; в компетенцию отдела просвещения и информации, руководимого М. Хаавио, входили пропагандистская работа среди ингерманландцев, организация среди них общего и специального образования, духовное просвещение; медицинский отдел, во

⁹⁷ Конькова О.И. Ижора // Мы живем на одной земле. С. 92.

⁹⁸ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 248.

⁹⁹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 59.

¹⁰⁰ Tuuli E. *Op. cit.* S. 209. По другим данным — 63 227 человек (Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 255).

¹⁰¹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 62.

¹⁰² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 150. Л. 227 об.

¹⁰³ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 59.

главе которого стоял профессор Н. Песонен, ведал медицинским обслуживанием перемещаемого населения до, во время переселенческой операции и в Финляндии.¹⁰⁴ В начале марта 1944 г. Центральное бюро было преобразовано в «Отдел по делам перемещенных лиц» (Siirtoväenasiain Osasto) в составе Министерства внутренних дел. Этот отдел занимался не только ингерманландцами, но также эвакуированными из Восточной Карелии. П. Кайтера оставался во главе отдела до сентября 1944 г., когда его сменил Й. Виролайнен.¹⁰⁵

Вопросы, связанные с поселением иммигрантов, рассматривались на заседании правительства Финляндии 17 апреля 1944 г. Прибывающих было решено расселить небольшими группами в разных районах страны. Новоприбывшие сначала попадали в приемочные лагеря. С конца марта 1943 г. во время первой стадии переселенческой операции действовал один такой лагерь в Ханко. В октябре-ноябре того же года, после начала второй стадии, когда поток перемещаемого населения значительно возрос, были основаны еще три лагеря: в Турку, Похьянкуру и Рауме. Лагерь в Ханко был самым крупным, через него прошло в общей сложности около 49 500 человек.¹⁰⁶ Из приемочных лагерей переселенцы направлялись в карантинные лагеря. Всего таких лагерей было 15, большая их часть располагалась в южной части страны, однако несколько лагерей находились севернее, один из них, в частности, помещался в Оулу.¹⁰⁷ Затем переселенцев распределяли по различным ленам в зависимости от потребности в рабочих руках. Большая часть ингерманландцев оказалась расселена в Южной Финляндии: по данным на конец октября 1944 г., 17 118 человек проживало в лене Турку и Пори, 13 589 — в Хяме, 8897 — в Уусимаа.¹⁰⁸ Некоторое количество ингерманландских выходцев оказалось все же в оккупированных районах Карелии: к середине 1944 г. здесь насчитывалось свыше 400 ингерманландцев (включая военнопленных). Когда финским войскам под напором советского наступления

¹⁰⁴ Ibid. S. 70.

¹⁰⁵ Ibid. S. 73–74.

¹⁰⁶ Ibid. S. 78.

¹⁰⁷ Ibid. S. 81

¹⁰⁸ А также 3059 человек — в Выборгском лене, 4159 — в Миккели, 5060 — в Куопио, 7344 — в Ваасе, 2474 — в Оулу, 1527 — в Лапландии (Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana. S. 255).

пришлось очистить Карелию, вместе с ними эвакуировались 2799 местных жителей, в их числе 179 ингерманландцев.¹⁰⁹

Число трудоспособных ингерманландских переселенцев составило в 1944 г. приблизительно 35–36 тысяч человек. Подавляющее большинство поначалу направлялось на сельскохозяйственные работы. Некоторые из переселенцев работали в сельском хозяйстве без особого желания, особенно те, кто владел какими-либо рабочими профессиями, поскольку заработная плата здесь была низкой. С конца 1943 г. ингерманландцев стали брать также на работу в промышленности и сфере обслуживания с учетом их квалификации. По данным на июль 1944 г., ингерманландская рабочая сила распределялась в Финляндии следующим образом: в сельском хозяйстве — 70,8 %, в промышленности — 20,3 %, в сфере обслуживания — 2,7 %, в лесном и рыболовном хозяйстве — 2,3 %, в других отраслях — 3,9 %.¹¹⁰ Для детей переселенцев в возрасте от семи до 16 лет было организовано школьное обучение. Для молодежи более старшего возраста были устроены профессиональные курсы и женская вечерняя школа в Хельсинки. В целях ухода за больными и престарелыми было основано семь специальных учреждений, в дополнение к уже имевшимся в Финляндии; более тысячи ингерманландцев получили в них необходимую помощь.¹¹¹

Панфински настроенные организации приветствовали переселение ингерманландцев, рассматривая его как шаг на пути к объединению всех финнов. Официальные власти, однако, подходили к проблемам переселенцев более приземленно, «племенное воодушевление» не оказывало особого влияния на их поведение. От иммигрантов требовалось, чтобы они как можно быстрее интегрировались в местные условия и превратились в настоящих финнов, забыв о своих ингерманландских особенностях. Легче всего адаптацию проходили представители старшего поколения, лица, привыкшие к патриархальному сельскому образу жизни, сохранившие религиозные убеждения или отрицательно настроенные к советской власти. Труднее осваиваться на новом месте было для более молодых промышленных рабочих, сторонников советской власти и жителей русифицирован-

¹⁰⁹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 107.

¹¹⁰ Ibid. S. 146.

¹¹¹ Невалайнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX в. С. 34–35.

ных деревень Западной Ингрии; немалые проблемы с адаптацией испытывали также ижоры и вожане.

Отношения ингерманландских выходцев с местным населением складывались в целом благоприятно. Землевладельцы, нуждавшиеся в рабочих руках, с удовлетворением относились к прибытию иммигрантов и обращались с ними, как правило, хорошо, благоприятное впечатление оказывало на них и трудолюбие ингерманландцев. Впрочем, не так редко, по различным причинам, возникали и трения. Многие жители Финляндии не могли избавиться от предубеждения против ингерманландцев, прибывших из коммунистической России, тем более что в годы войны антисоветские и антирусские настроения были особенно сильны. С другой стороны, финские левые и многие промышленные рабочие резко критиковали переселения, опасаясь, что с появлением дополнительной дешевой рабочей силы в лице ингерманландцев права финляндского рабочего класса оказываются под серьезной угрозой. При этом представители партий левого толка побуждали ингерманландцев — сторонников советской власти к недовольству. Часть иммигрантов сумела неплохо обосноваться на новом месте, обзавестись имуществом и даже скотом.¹¹² В письмах, которые бывшие советские граждане писали своим родственникам и знакомым, оказавшимся в других частях Финляндии, они, как правило, сообщали, что живут хорошо, хотя и жаловались на скуку и тоску по родине. Содержание некоторых писем звучит в этом ряду явным диссонансом; так, одна из иммигранток писала своей подруге: «Работаем по 17–18 часов в день как лошади, а хозяин еще крепче орет и становится все дурнее и дурнее».¹¹³

Позднее, уже во время возвращения на родину, в Выборге, в беседах с советскими офицерами-агитаторами многие репатрианты, главным образом те, кто работал в Финляндии у частных хозяев, рассказывали о том, какие тяготы им пришлось перенести на несостоявшейся новой родине. По их словам, финские помещики и фермеры нещадно эксплуатировали их: заставляли работать с раннего утра до позднего вечера, ставили на самые тяжелые и грязные работы, выплачивая им мизерное жалава-

¹¹² Позднее, при возвращении в Советский Союз, ингерманландцы везли с собой 6487 голов скота и домашней птицы, в том числе 77 лошадей, 4469 коров, 1151 овцу, 50 свиней, 74 козы, 204 куры, 457 голов других домашних животных (Tuuli E. Op. cit. S. 307).

¹¹³ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 29. Л. 54 об.

ние, как правило, меньшее, чем местным финнам, батрачившим у тех же хозяев. При этом хозяева нередко подвергали ингерманландцев оскорблениям, называя их «русся»¹¹⁴ и коммунистами, нередкими были случаи рукоприкладства в отношении переселенцев. К примеру, учительница из Красносельского района, работавшая у землевладельца в Хяме, рассказывала: «Работали с утра до ночи и все за питание. Купить обувь или одежду не надо было и думать. Этот хозяин платил нам, ингерманландцам, по 45 марок в день, в то время как другие финки получали по 53 марки в день. Жили мы... как рабы. Никуда нельзя было уйти. Хозяин заявлял, что он и так слишком много платит нам».¹¹⁵ Ингерманландка А.В. Халликайнен поведала, что они с мужем и сыном жили и работали у фермера также в Хяме. Хозяин поселил их в амбаре, а зимой переселил в баню; ее муж за свою работу получал 60 марок в день без питания, местные батраки получали по 9–10 марок в час.¹¹⁶ Житель Гатчинского района рассказывал о жестокой эксплуатации переселенцев хозяином смолекурного завода в Кеуру близ Ювяскюля. Там работали около ста ингерманландцев, которые не были застрахованы, и если кто-нибудь из них заболел или получал увечье, его выгоняли с работы.¹¹⁷ Переселенцы, трудившиеся в промышленности, получали более высокое вознаграждение, чем те, кто работал в сельском хозяйстве. Так, на лесопилке в Раума мужчинам платили по 13 марок в час, женщинам — 9–10 марок, детям — 6–7 марок, еще выше была заработная плата на находившемся здесь же заводе по изготовлению взрывателей. Однако и здесь ингерманландцы оказывались в менее выгодном положении по сравнению с местными финнами. Саарелайнен из Ораниенбаумского района рассказывала, к примеру, что на гвоздильном заводе в деревне Мюллюмяки в Хяме ее муж, работая кузнецом, получал по 11 марок в час, а финны на той же работе получали по 14 марок; женщинам-финкам выплачивали по 9–10 марок в час, а ингерманландкам — по 7–8 марок.¹¹⁸ Некоторые из переселенцев говорили о своем разочаровании в идеях племенного единства. Так, А.П. Сюкияйнен говорил: «Когда... финские представители принимали нас в

¹¹⁴ Финское пейоративное наименование русских.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

¹¹⁶ Там же. Л. 71.

¹¹⁷ Там же. Л. 9.

¹¹⁸ Там же. Л. 79.

Эстонии, они очень много говорили о соплеменных чувствах, о том, что финны предоставят нам хорошие условия жизни и так далее. Но как только мы очутились в Финляндии, из нас сразу же сделали рабов для кулаков».¹¹⁹ Среди переселенцев, таким образом, было немало тех, у кого имелись основания жаловаться на свою судьбу, и когда у них в конце 1944 г. появилась возможность вернуться на родину, их желание воспользоваться этой возможностью было, видимо, вполне искренним.

Заслуживает упоминания участие советских граждан ингерманландского происхождения в формированиях финской армии. Предыстория создания ингерманландских формирований в Финляндии восходит ко времени «Зимней войны»: в начале декабря 1939 г. штаб тыловых войск Финляндии отдал распоряжение об организации в городе Кеми добровольческого воинского формирования, составленного из выходцев из Восточной Карелии и Ингерманландии.¹²⁰ В июне 1941 г. финские военные власти вернулись к рассмотрению этого вопроса. 23 июня появился приказ за подписью маршала Маннергейма о создании подразделения из «соплеменников», то есть из карельских и ингерманландских эмигрантов. Формирование подразделения было поручено ветерану егерского движения подполковнику Э. Кууссаари (Хейккелю), а само подразделение получило название «Отделение К.». Приказ главного квартирмейстера А.Ф. Айро, изданный в тот же день, гласил: всех восточных карел и ингерманландцев, независимо от того, являются ли они финляндскими гражданами или нет, следует вывести из состава действующих подразделений и, собрав воедино, отправить их до 7 июля в Каяни, где и должно было проводиться формирование. В состав подразделения могли вступать и финские добровольцы, участники предыдущих «племенных войн». К 8 июля в подразделение вступило более 650 человек. В начале августа подразделение, численность которого продолжала увеличиваться, под наименованием «бригада Кууссаари» было направлено на фронт в район Ругозера.¹²¹ В дальнейшем предполагалось сформировать в составе подразделения четыре батальона — беломорский,

¹¹⁹ Там же. Л. 29 об.

¹²⁰ Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. С. 201.

¹²¹ Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 222–224.

олонецкий, ингерманландский и финский батальон ветеранов племенных войн, второе отделение должно было состоять из эстонского батальона и подразделения Прометей, сформированного из представителей других национальностей.¹²²

Начало формирования подразделений из представителей ингерманландского населения, проживавших в начале войны на советской территории, относится к концу 1941 г. Тогда на занятых советских территориях немецкие оккупационные власти начали организовывать из местного населения так называемые «сотни» (Hundertchaften) для охраны тыловых коммуникаций и борьбы с партизанами. Подобного рода сотни стали формироваться и в Центральной и Западной Ингрии из молодых ингерманландцев. В феврале 1942 г. четыре такие сотни были сведены в Волосово в соединение под названием «Финская охранная группа 187» (Finnische Sicherungsgruppe 187), переформированное затем в «Восточный батальон 664» (Ost-Bataillon 664). Батальон был направлен на юг Ленинградской области для охраны железнодорожных линий Ленинград — Дно и Луга — Новгород.¹²³ Бойцам батальона пришлось побывать в боях с партизанами. В декабре 1943 г., после того, как немцы решили переподчинить батальон финскому командованию, он был перевезен в Таллинн и затем в Ханко, где был включен в состав финской армии под наименованием сначала «Отдельный батальон Б», затем «6-й Отдельный батальон» (Erillinen pataljoona 6). Батальон делился на четыре роты, его командиром был подполковник К. Брайтхолец. В конце января 1944 г. в составе батальона числились 25 офицеров, 54 унтер-офицера и 601 солдат.¹²⁴ В январе 1944 г. 6-й Отдельный батальон, включенный в состав 18-й дивизии, был направлен на Карельский перешеек, в район станции Кивиниеми. В первой половине 1944 г. положение на фронте было спокойным, однако в июне на Перешейке началось контрнаступление советских войск. Батальон принял участие в оборонительных боях, в ходе которых потерял 13 человек убитыми, 54 ранеными и 24 пропавшими без вести, в конце месяца он получил приказ отойти на новые позиции в район Антреа. Во второй половине июля батальон снова участвовал в боях, а в августе был отведен в тыл и в военных действиях больше не

¹²² Jokipii M. Jatkosodan synty. Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940–1941. Keuruu, 1987. S. 443.

¹²³ Mutanen P. Vaiennetut sotilaat. Helsinki, 1999. S. 45, 65–67.

¹²⁴ Ibid. S. 110–114, 126.

принимал участия. В последующий период бойцы батальона использовались на сельскохозяйственных работах. 21 сентября, после заключения советско-финляндского перемирия, подразделения батальона были выведены за линию новой границы, а приказ о его окончательном расформировании был отдан 10 октября.¹²⁵

Другим подразделением финской армии, в составе которого служили ингерманландские выходцы, был «3-й Соплеменный батальон» (Неимораталйоона 3), который был сформирован в соответствии с приказом от 17 ноября 1942 г. из добровольцев из числа советских военнопленных, принадлежавших к финноязычным народностям. В батальоне насчитывалось 423 ингерманландца, 473 беломорских и олонечских карела, 101 тверской карел, 30 финляндских финнов, 24 вепса, один эстонец и 17 человек, национальность которых не установлена. В начале 1943 г. численность батальона составляла 990 человек.¹²⁶ Батальон с апреля-мая 1943 г. также дислоцировался на Карельском перешейке, где он в составе 15-й дивизии нес службу на линии фронта на участке Метсяпиртти — Лемболово.¹²⁷ В середине июля 1944 г., во время советского наступления, батальон также участвовал в оборонительных боях в районе Вуосалми и понес чувствительные потери — 30 человек убитыми, 208 ранеными и 18 пропавшими без вести.¹²⁸

2. Перемещение ингерманландского населения во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

В сентябре 1944 г. в Москве начались переговоры о перемирии между СССР и Финляндией, и 19 числа договор о перемирии был подписан. Статья 10 перемирия предусматривала обязательство со стороны Финляндии «немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно уведенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на родину».¹²⁹ В Финляндию прибыла Союзная контрольная комиссия под предсе-

¹²⁵ Ibid. S. 169, 172, 176–178, 185, 203.

¹²⁶ Miettinen H. Op. cit. S. 186.

¹²⁷ Ibid. S. 192.

¹²⁸ Ibid. S. 195.

¹²⁹ Правда. 1944. 21 сентября.